

Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 3 (233). С. 21–29.
Vestnik of Samara State University of Economics. 2024. No. 3 (233). Pp. 21–29.

Научная статья
УДК 330.8

Логические координаты рыночной сцены: методологический аспект экономической теории Аристотеля

Олег Константинович Кошмило

Тольяттинская академия управления, Тольятти, Россия, koschmilo-ok@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме релевантности принципов рыночного обмена Аристотеля, инициировавших западную экономическую мысль, его теории логического субстанциализма. Исходным обстоятельством возникновения рыночного обмена является горизонт диверсификации профессиональной специализации, обуславливающей возникновение как избытка продуктов труда конкретного профессионала, так и неизбежного недостатка продуктов труда других специалистов. Наличие профицита одного и дефицита другого индуцирует явление рыночной сцены, призванной преодолевать персональный потребительско-производительный дисбаланс. На рынке человек как носитель экономического интереса разделяется на покупателя и продавца. Пребывая по разные стороны прилавка, тем не менее, покупатель и продавец преследуют тождественный мотив извлечения выгоды. Родовая тождественность менового мотива субъектов спроса и предложения порождает контраст его видовых приходящих в столкновение выражений: дороже продать для продавца и дешевле купить для покупателя. Именно с подачи древнегреческого метафизика, центрировавшего горизонт коллективного хозяйствования рыночной сценой товарно-денежного торга, система произвольной балансировки потребительских и производительных интересов экономических деятелей получила название «рыночной». Центром тяжести весов рыночного обмена оказывается монета в качестве материального носителя логической субстанциальности, которой в метафизике Аристотеля отводится роль «неподвижного движителя». Примерно в этом качестве денежная субстанция определяет функционирование рыночной экономики.

Ключевые слова: монета, обмен, потребность, рынок, деньги, товар, меновая пропорция, умозаключение, заключение сделки, логический квадрат

Основные положения:

- ◆ в истории цивилизаций состоялись две фундаментально полярные концепции гармонизации спроса и предложения – восходящая к платонизму теория социалистическо-государственного распределения и «капиталистическая» теория рыночного обмена Аристотеля;
- ◆ экономическая теория Аристотеля фундирована в имманентных закономерностях человеческой рациональности, пребывающей в пределах контура сформулированных им же законов логики;
- ◆ сцена рыночного обмена включает полюса логического квадрата, воспроизводя его структуру.

Для цитирования: Кошмило О.К. Логические координаты рыночной сцены: методологический аспект экономической теории Аристотеля // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 3 (233). С. 21–29.

Logical coordinates of the market scene: a methodological aspect of Aristotle's Economic Theory

Oleg K. Koshmilo

Tolyatti Academy of Management, Tolyatti, Russia, koschmilo-ok@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of relevance of Aristotle's principles of market exchange, which initiated Western economic thought, and his theory of logical substantialism. The initial circumstance of the emergence of market exchange is the horizon of diversification of professional specialization, which causes the emergence of both an excess of labor products of a particular professional and an inevitable shortage of labor products of other specialists. The presence of a surplus of one and a deficit of the other induces the phenomenon of a market scene designed to overcome a personal consumer-productive imbalance. In the market, a person as a carrier of economic interest is divided into a buyer and a seller. Being on different sides of the counter, however, the buyer and seller pursue the same motive of profit. The generic identity of the exchange motive of the subjects of supply and demand generates a contrast of its specific expressions that come into collision: it is more expensive to sell for the seller and cheaper to buy for the buyer. It was at the instigation of the ancient Greek metaphysician, who centered the horizon of collective management on the market scene of commodity and money trading, that the system of arbitrary balancing of consumer and productive interests of economic figures was called "market". The center of gravity of the scales of market exchange is the coin as a material carrier of logical substantiality, which in Aristotle's metaphysics is assigned the role of a "fixed mover". Approximately in this capacity, the monetary substation determines the functioning of the market economy.

Keywords: coin, exchange, need, market, money, commodity, exchange ratio, conclusion, conclusion of a transaction, logical square

Highlights:

- ◆ in the history of civilizations, two fundamentally polar concepts of the harmonization of supply and demand have taken place – the theory of socialist-state distribution, dating back to Platonism, and Aristotle's "capitalist" theory of market exchange;
- ◆ Aristotle's economic theory is based on the immanent laws of human rationality, which lies within the contour of the laws of logic formulated by him;
- ◆ the market exchange scene includes the poles of a logical square, reproducing its structure.

For citation: Koshmilo O.K. Logical coordinates of the market scene: a methodological aspect of Aristotle's Economic Theory // Vestnik of Samara State University of Economics. 2024. No. 3 (233). Pp. 21–29. (In Russ.).

Введение

В представлении Аристотеля весь горизонт социальных отношений представляет кон обменов – словами и вещами, товарами и услугами. Горизонт общественных отношений центрирован всеобщие признаваемыми договорными символами в виде коллективных этических ценностей, государства, юридических норм и, конечно, денежного эквивалента стоимости вещей. Ключевым обстоятельством рыночного обмена является разделение труда, по аристотелевскому примеру, «врача и земле-

дельца», «строителя дома и башмачника». Непосредственная несопоставимость продуктов трудовой деятельности людей разных профессий послужила обстоятельством явления договорного символа денежного эквивалента в качестве универсальной единицы соизмерения товаров и услуг. Теоретик логического субстанциализма в «Никомаховой этике» несколько раз указывает, что «монета», νομισμα морфологически восходит к корню «договор, установление», νομοι (1133a) [1, с. 155–157]. Рукотворная универсальность денежного сим-

вола указывает на глубинные связи экономических законов и закономерностей рационального мышления, инициированных в эпохи перехода «от мифа к логосу». Обращение к экономическим положениям Аристотеля является общим местом соответствующих исторических обзоров в качестве их преамбулы. Ключевые авторитеты экономической науки – англосаксонские политэкономы А. Смит и Д. Рикардо, К. Маркс, представители австрийской школы экономики (О. Бём-Баверк, Й. Шумпетер, Ф. Хайек и др.), обращаясь к экономической теории древнегреческого философа, обращают внимание на ее включенность в горизонт всего аристотелизма [2, с. 51–53; 3, с. 73–81]. Так, А. Смит видит в ситуации рыночного спора-торга субъектов спроса и предложения – ключевую сцену балансировки рыночной экономики под руководством ее «невидимой руки» [4, с. 28]. Заключение рыночной сделки, обусловленной конфликтом разнонаправленных интересов потребителя и производителя, рифмуется с алгоритмом логического умозаключения, в ходе которого два разнонаправленных суждения уравниваются в его выводе. В политэкономическом труде «Капитал» К. Маркс, тщательно разбирая гегелевскую онтологизацию силлогистики Аристотеля с базовой триадой субъекта, предиката и среднего термина через триаду «всеобщее – единичное – особенное», обнаруживает ее соответствие экономической триаде «производство – потребление – обмен». Ключевым итогом политэкономического анализа Маркса оказывается инверсия «буржуазно-идеалистической» логики рыночного приоритета индивидуального спроса перед коллективным предложением в «социалистическую» логику примата общественного производства над частным потреблением [5, с. 77–116; 6, с. 113–132]. Представитель австрийской экономической школы О. Бём-Баверк в свою очередь, критикуя теорию Маркса, в плане экономической мотивации индивида как «человека экономического» показывает первоочередной характер таких феноменов, как «субъективная ценность», персональное «благополучие», «предельная полезность» и др. Все они сводятся теоретиком к категории потребности, базовой в экономической теории Аристотеля [2,

с. 222–223]. В целом данные теоретические сюжеты демонстрируют аристотелевскую инициативу экономической теории Запада.

Методы

Экономическая теория Запада, имея исток в метафизике Аристотеля, содержит в качестве фундамента и ее основные методологические координаты. Главная фигура аристотелевской методологии предстает как «логический квадрат», в рамках которой фиксируется фундаментальная дихотомия «всеобщности» как субъектной формы и «существования» как объектного содержания. Применение логицистского органона в составе формально-логического и диалектико-логического подходов являют сцену рыночного в ее теоретической рафинированности.

Результаты

Происхождение товарно-денежного обмена из измерения и взвешивания, посредством которого, по Аристотелю, «определяли ценность» (1257a) [1, с. 391], сделала образом обмена механику весов в составе ключевых элементов – коромысла, двух чаш и центра тяжести. В свете своего подобия процессу весовой балансировки рыночный торг включает три ситуации, соответствующие трем положениям коромысла весов. Интерес продавца выражается в таком положении менового коромысла, когда продаваемый товар перевешивает покупающие его деньги, в логическом плане налично объемля их. Противоположный интерес покупателя выражается в том, что деньги перевешивают товар, логически вмеща в содержание торгуемой вещи умозрительную ценность. Фазой, соответствующей заключению товарно-денежной сделки, является приведение чаш спроса и предложения к балансу, знаменуемому устраивающей обе стороны ценой.

Хиазм осей двух противоположно направленных – повышательного и понижательного – дисбалансов денег и товара предстают как диагонали квадрата, центрируемого равнодействующей осью заключения сделки между противоречивыми интересами покупателя и продавца. В системе аристотелевской силлогистики, где суждение – это «сжатое умозаключе-

ние» (Гегель), а умозаключение – развернутое суждение [6, с. 116], фигурой умозаключения является квадрат, одна диагональ которого – большая посылка, а другая диагональ – посылка малая.

В общем логическом плане в категорическом силлогизме большой посылкой является суждение, содержащее предикат вывода, а малой посылкой – суждение, содержащее его субъект [7, с. 157–160]. В контексте силлогистики рыночного обмена большая посылка заключения товарно-денежной сделки соответствует предпосланности товара со стороны продавца, а малая посылка – предпосланности денег покупателя. Данная релевантность уточняет логический статус конкретного товара в качестве предиката в его единичности, а логическую позицию «тяготеющего к постоянству» денежного эквивалента – как субъекта в его всеобщности. В системе заключения торговой сделки две – товарная и денежная – посылки на весах рыночного торга достигают баланса в качестве вывода рыночно-менового силлогизма в виде договорной цены. В «Никомаховой этике» Аристотель указывает, что общей мерой, делающей возможным рыночную сделку, является потребность, которая «все связывает вместе». Причем потребность «связывает так, как будто существует известное единство», и о нем мы можем судить по тому, что «если нет потребности друг в друге... то обмен и не происходит» (1133a-1133b) [1, с. 155–156]. Иными словами, ключевой координатой рыночного баланса интересов покупателя и продавца является ось доминирования субъектной «потребности», «замещаемой» «договорной» формой денежного эквивалента, над предикатной реальностью, конкретизированной в «лице» единичного товара.

По Аристотелю, контекстом заключения рыночной сделки оказывается наличие «известного единства», которое является обстоятельством рыночного обмена. Конкретно, сила этого единства в том, что оно – условие добровольного признания рыночными агентами неких металлических или бумажных оттисков в качестве символов менового опосредствования [2, с. 332–333]. Рыночный торг – это сцена схватки и спора, которую структурирует ось доминирования «тождественной» формы

«тяготеющей к постоянству» денежной субъектности над «противоречивым» содержанием товарной предикатности. Поэтому вытесняемое сделкой исходное единство – это «третье», исключаемое по соответствующему закону логики.

Весь метафизический субстанциализм Аристотеля пронизан тотальным действием им же сформулированных трех законов логики. И наиболее рафинированным образом законы логики исполняются в сцене рыночного торжища, когда два индивида, сходясь с целью извлечения индивидуальной выгоды, на пару исключают то единство, которому они оба обязаны возможностью уравновесить персональный дисбаланс потребительского недостатка и производительного избытка. В экономическом измерении исключение упоминаемого Аристотелем *единства* предстает в явлении монеты как *единицы* стоимостного измерения потребительной значимости товаров и услуг [см.: 8]. Манифестировавшая драму перехода «от мифа к логосу» редукция онтологического единства к единице измерения стоимости как субстанциальному полюсу интеграции экономических отношений субъекта Запада вплетена в туго скрученный клубок влияний, отношений и преемственности между тремя инициаторами западной рациональности – Сократом, Платоном и Аристотелем.

Так, вначале Сократ, избрав местом приложения своего «майевтического» метода рыночную площадь Афин, проникся ключевой для рынка сценой торга. Выявив в его драматургии то, как оспаривающие друг друга интересы покупателя и продавца однажды приходят к благому компромиссу средневзвешенной цены, вывел в качестве принципа коммуникации то, что «истина рождается в споре». В продолжение экономической метафоры познания Платон, благодарно идентифицируя себя как навеки преданного ученика Сократа, в диалоге «Федон» его же устами заявляет, что «существует лишь одна правильная монета – разум, и лишь в обмен на нее должно все отдавать» [9, с. 29]. Но этим тезисом Платон переворачивает смысл, высказанный им в «образе пещеры». По этому образу человеческая экзистенция поляризована на две фазы. В одной фазе имеется замкнутость сознания, которое

созерцает в своей «пещере» картину мира, феноменологически дедуцируемую и интегрируемую на имманентном основании. В другом – человеческая экзистенция, размыкаясь в отношении бытия, выходя из тьмы феноменологической «пещеры» на свет божий, зрит мир в свете трансцендентного начала (210-211) [8, с. 145–146].

И уже Аристотель, доводя имманентную версию платонизма до оформленности тремя законами логики, замыкает феноменологическое восприятие мира вокруг полюса субстанции, которая неподвижно центрирует всю мировую динамику. Ближайшим образом этой непрерывной неподвижности логической субстанции является центр тяжести весов, благодаря которому дисбаланс менового спора приходит к компромиссному равновесию интересов противоположных сторон. Опосредованная логическим существом весов разума субстанциальная неподвижность его центра тяжести эксплицируется в денежном эквиваленте, который, измеряя и этим делая своим логическим предикатом всю наличную изменчивую реальность, сам меряется только собой. Ключевым тезисом аристотелизма выступает то, что субстанция «не сказывается» ни о чем, то есть, не является сказуемым-предикатом, но, напротив, по отношению к ней «сказывается» и является ее предикатом все остальное (2a-2b), иллюстрируя это примером, что «кривое не может измерить себя, но прямое может измерить и себя, и кривое» [10, с. 56–62]. Это означает, что в аристотелизме логическая тождественность субстанциальной формы как феноменологического источника целостности картины мира имеет приоритет перед самим миром, онтологически собранного светом трансцендентного начала, озаряющего душу на выходе из пещеры, изображенной Платоном.

Обсуждение

Доминирование феноменологической целостности как субъектной формы над онтологической целостностью мира как предикатным содержанием достигается посредством сначала проведения границы между так образуемыми крайностями, а потом включения этой границы внутрь одной из этих крайностей. По-

скольку носителем центрирующей восприятие мира субстанциальности является всякий разум, который в ходе рациональных процедур замыкает репрезентацию мира на исключающем себя из мира Я, а базовым способом такого исключения оказывается опыт потребления, то потребность предстает субстанциальным центром горизонта экономических отношений [11, с. 68]. И в итоге замыкающая индивида в границы телесности потребность оказывается субстанциальным центром горизонта экономического взаимодействия. Через время экономика, вращающаяся вокруг потребности, была идентифицирована как «капиталистическая».

Включение границы между имманентным субъектом и трансцендентным предикатом сопровождается логической процедурой исключения «третьего» как единства потребительской формы и производительного содержания. Но именно это единство отличает ту социальную целостность, которую кладет в основу своей теории государства Платон. Полагая высшим мотивом существования государства обеспечение коллективного блага, в котором находит практическое воплощение Благо как трансцендентное начало мира, Платон выступает в качестве теоретика социализма, ставящего в главу угла приоритет коллективной справедливости над потребительским произволом-свободой изолированного индивида. В пику аристотелевскому «капитализму» с его акцентом на потребительской идентичности частного гражданина государственный социализм Платона исходит из приоритетов общественного производства и коллективно-словной идентичности [12, с. 48–49; 13, с. 14]. А задача достижения социальной справедливости практически замещает институт рыночного обмена институтом вне рыночного распределения, которое требует идеократического государства (каким, например, и было советское государство, обнаруживая в качестве одного из источников советского строя платонизм).

Порядок социалистического распределения по Платону и сцена рыночного обмена по Аристотелю равно имеют своим истоком архаичную практику ритуального жертвоприношения, циклический сюжет которого содержит два

полупериода в виде векторов спроса и предложения. Так, существом завязки является конденсация сакрального значения, которое метафорически пресуществляет природные вещи (кусоч мяса, хлеб, вино) в тело божества. Сопровождаемое страданием в переживании неопределенности адресата, терпения ожидания, усилий очищения и т.д. вектор ритуального спроса характеризуется как «искупление». Морфологическое сходство ритуального *искупления* и меновой *купли* зиждется на морфеме «купа», образующих куст морфологически схожих лексем типа «совокупность», «сбор», «сжатость», «жатва» и т.д. Как испрашивающее милости искупление, осуществляющая спрос купля представляет восходящую снизу вверх конденсацию, сжатие семантического содержания, а вместе с ним ценности. Вертикальная координата спроса объясняет, почему в случае с ним речь идет о его качестве, имеющем ту или иную интенсивность. Причем в ритуальном случае речь идет об имени богов или Бога. Когда душевная интенсивность испрашивания милости у богов обрела свое монетное выражение, то реверс первых монет был отпечатачен именем того или иного бога. (Позже его заменила имеющая тотемный характер гербовая эмблема осуществляющего денежную эмиссию государства, дав обратной стороне монеты народное именование «орла», являющегося гербовым символом российской государственности.)

Искупительная завязка ритуала достигает кульминации в сакрализующей глоссолалии жреца, метафорически «одушевляющего» «мертвый» предикат в божественный субъект. Финальное включение в наличную вещь священного имени, являя жертвенный символ божества, знаменует переход к завязочному полупериоду ритуала. В отличие от минорности фазы искупления фаза причащения сопровождается мажорными переживаниями. Вкушая съедобный символ тотема или божества, участники ритуала восторженно и радостно переживают сопричастность и солидарность по вертикали «небо – земля» и по горизонтали социальных отношений. Включенное в жертвенный символ тотемное или божественное имя сообщает ритуальным сотрапезникам коллективную идентичность как носителей имени об-

щего для них небесного покровителя, подданными которого они себя осознают, и это наделяет ритуал функцией социальной интеграции [см.: 5].

Итак, ключевым для экономики ритуала является то, что пребывающая в сердцевине ритуального горизонта сцены вещь, являя особую взвесь земного спроса и небесного предложения и интегрируя людей в круг социальной сопричастности, включает в себя священное имя. В своем онтологическом значении священное имя, удерживая мир в трансцендентной целостности, имеет прямое отношение к свету, льющемуся со стороны выхода из пещеры, которую изобразил Платон. И оно же является истоком того единства, которое, по Аристотелю, обуславливая возможность обмена, тем не менее, замещается денежным эквивалентом, образуемой осью рационального доминирования всеобщей формы потребительской субъектности над единичным содержанием производительной предикатности.

Спустя столетия, Маркс, разбираясь с основаниями новоевропейского капитализма, нашедшего высокотеоретичное оправдание в гегелевской логике движения мирового духа, обнаруживает исток господства «капитала» над «трудом» в метафизике Аристотеля, обосновавшего приоритет формы умозрительной субстанциальности перед содержанием наличной реальности как «материи». Маркс увидел в этом факт перевернутости мира «с ног на голову». Руководствуясь формулой «логика – деньги духа» и применяя метод диалектического материализма, в плане исторического материализма марксизм выдвигает масштабный проект социалистического преобразования путем революционного опрокидывания институтов капитала и учреждения «царства труда». Когда с той или иной степенью адекватности пролетарская революция случилась в России, одной из экономических проблем оказался вопрос о социалистическом ценообразовании, полностью проигнорированным теорией Маркса, амбициозно деклариовавшего прекращение денежного обращения в коммунистическом финале мировой истории.

Претворяя приоритет социальной справедливости перед частной свободой, коллек-

тивного блага перед благополучием индивида, интегрального производства перед дифференциальным потреблением, советская экономика сделала ценообразование, имеющее в рыночной экономике стихийный, стохастический характер, предметом государственного регулирования. В преодолении капиталистического порядка предвосхищения предложения спросом порядком планового опережения спроса предложением советское ценообразование исключает концентрацию богатства как максимума потребления в руках отдельных, а главное, немногих индивидов ради сосредоточения богатства в руках государства, реализующего задачу обеспечения потребительским оптимумом всех без исключения [14, с. 124].

По тому, что способ ценообразования в советской экономике имел точкой отсчета не внутреннюю границу потребности единичного индивида, а внешнюю границу предложения советского хозяйства в целом, в ней можно опознать влияние С.Л. Франка. Творческий путь Франка, более известного в качестве русского религиозного философа, тем не менее, начался с пережитого в юности влияния марксизма. Проанализировав полемику между трудовой, «объективной» теорией стоимости и потребительной, «субъективной» теорией стоимости, наиболее теоретично изложенной Бём-Баверком, Франк совсем молодым человеком, в 21 год написал работу «Теория ценности Маркса и ее значение». В ней он представил позиции марксистов и «австрийцев» как недостаточные крайности и предложил своего рода компромиссный вариант в концепте «общественной субъективной ценности» как того, что «существует в форме субъективной оценки благ отдельными членами общества, но только с точки зрения интересов и потребностей всего общества» [15, с. 252]. То есть, в понимании Франка, символическая ценность блага определяется на весах соизмерения потребительской единичности отдельного индивида и производительной всеобщности национальной экономики в целом.

В советском случае концепт раннего Франка как экономиста марксистского толка претворился в уравнительной процедуре деления совокупности всех материальных и духов-

ных благ на всю совокупность советских граждан как потребителей. В системе народного хозяйства СССР плановое регулирование цен на товары и услуги, включая цены на труд в виде заработной платы, было элементом государственного вне рыночного распределения благ, заместившего собой стохастичность рыночного ценообразования. Нормативная твердость советских цен, сопровождавших, как правило, своим номиналом торгуемую вещь, обеспечивалась авторитетом всей советской идеократической государственности, ревностно пресекавшей изменение цены, квалифицируя его как уголовно наказуемую спекуляцию. И если представить систему национальной экономики в образе весов, где на одной чаше весов – совокупный спрос, а на другой – совокупное предложение, то при капитализме мерой их балансировки выступает рыночный центр тяжести, а в советском социализме такой мерой является вся тяжесть национального хозяйства, где единственный хозяйствующий субъект – государство.

Заключение

В экономической истории мира состоялись две фундаментально полярные концепции экономической балансировки спроса и предложения. Первая, как условно «социалистическая», связана с именем Платона, но во многом восходит к ритуальной сцене, на которой вещь в качестве жертвенного символа наполняется священным значением, коренящегося в мистическом авторитете божества. Позже Платон в своем идеалистическом проекте государства определил в качестве его мотива обеспечение блага социальной справедливости, являющей земную проекцию небесной «идеи Блага». Заклучая священное содержание мифологии в форму идеологического патронажа, государство удерживает стабильность горизонта социальной жизни посредством социалистического порядка административного распределения благ. Одна из его мер – институт государственного ценообразования, который, игнорируя земную закономерность нацеленного на извлечение выгоды рыночного обмена, вменяет себе божественное право символизировать эталонную ценность вещи как товара в твердых ценах. Сле-

дом теория трансцендентного социализма Платона оспаривается «капиталистическим» проектом Аристотеля, фундированного в имманентных закономерностях человеческой рациональности под эгидой сформулированных им же законов логики. Кон рыночного обмена представляет «логический квадрат», в котором сталкиваются «большая» посылка продажи и «малая» посылка покупки, образуя своим пересечением субстанциальный центр денежного эквивалента. В экзистенциальном измерении силлогизм рыночного обмена, мотивированного излечением выгоды каждой из спорящих сторон, демонстрирует обоюдное признание выгодного доминирования «тождественности» монеты над «противоречивостью» вещи как товара, господства универсальной формы индивидуального спроса над содержанием общественного предложения. Потребительская идентичность аристотелевского инди-

вида определяет и его политическую мотивацию как гражданина, демократически «покупающего» на выборах выгодную для себя «публичную вещь» (*res publica*) государства. Экономически мотивированная политика в итоге формирует реалии олигархического республиканизма, полностью отличной от мистической монархии в духе Платона. В масштабе истории Европы спор концепций Платона и Аристотеля определил капитальную разницу между миром средневековья с его монархичностью, автаркией, редуцированными формами товарно-денежных отношений и новоевропейской цивилизацией со свободным рынком, демократией. А в XX веке эта же полярность обусловила глобальный раскол мира на потребительскую цивилизацию коллективного Запада и государства Востока («глобального Юга») с акцентом на обобществленных формах производства [см. также: 16–17].

Список источников

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. Москва : Мысль, 1983. 831 с.
2. Бём-Баверк О. фон. Капитал и прибыль; Т. 2: Позитивная теория капитала; Т. 3: Экскурсы. Челябинск : Социум, 2010. 916 с.
3. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. 496 с.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва : Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 677 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. Москва : ГИПЛ, 1959. 684 с.
6. Джохадзе Д.В. От Аристотеля к Марксу // Философия и общество. 2000. № 20. С. 113–132.
7. Асмус В.Ф. Логика. Москва : ГИПЛ, 1947. 388 с.
8. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007. 752 с.
9. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007. 628 с.
10. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 2. Москва : Мысль, 1984. 689 с.
11. Гончаров Н.В. Экспликация экономико-хозяйственных оснований бытия человека в античной философии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. Философские науки. 2018. № 8. С. 66–69.
12. Авакян-Форер А.Г. Философия экономики Древней Греции // Философия и культура. 2020. № 8. С. 46–52.
13. Алексеев Н.А. Экономические учения Платона и Аристотеля // Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 14–16.
14. Лев М.Ю. Регулирование цен в экономической теории спроса и предложения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 122–134.
15. Франк С.Л. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. Санкт-Петербург : Издание М.И. Водовозовой, 1900. 372 с.
16. Мосс М. Социальные функции священного. Избранные произведения. Санкт-Петербург : Евразия, 2000. 448 с.
17. Попков В.В. Исследование денег с позиции двойственной логики // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 2. С. 292–301.

References

1. Aristotle. Essays. In 4 volumes. Vol. 4. Moscow : Thought, 1983. 831 p.
2. Boehm-Bawerk O. von. Capital and profit; Vol. 2: The positive theory of capital; Vol. 3: Excursions. Chelyabinsk : Socium, 2010. 916 p.
3. Schumpeter J.A. The history of economic analysis. In 3 volumes. Vol. 1. St. Petersburg : Economic School, 2004. 496 p.
4. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. Moscow : Publishing House of Socio-economic Literature, 1962. 677 p.
5. Marx K., Engels F. Essays. Vol. 23. Moscow : GIPL, 1959. 684 p.
6. Dzhokhadze D.V. From Aristotle to Marx // Philosophy and Society. 2000. No. 20. Pp. 113–132.
7. Asmus V.F. Logic. Moscow : GIPL, 1947. 388 p.
8. Plato. Essays. In the 3 volumes. Vol. 3. St. Petersburg : St. Petersburg State University Publishing House, 2007. 752 p.
9. Plato. Essays. In 3 volumes. Vol. 2. St. Petersburg : St. Petersburg State University Publishing House, 2007. 628 p.
10. Aristotle. Essays. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow : Thought, 1984. 689 p.
11. Goncharov N.V. Explication of the economic and economic foundations of human existence in ancient philosophy // Intelligence. Innovation. Investment. Philosophical Sciences. 2018. No. 8. Pp. 66–69.
12. Avakian-Forer A.G. Philosophy of economics of Ancient Greece // Philosophy and Culture. 2020. No. 8. Pp. 46–52.
13. Alekseev N.A. Economic teachings of Plato and Aristotle // Bulletin of the TSPI. Humanities. 2008. No. 2. Pp. 14–16.
14. Lev M.Y. Price regulation in the economic theory of supply and demand // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 4. Pp. 122–134.
15. Frank S.L. Marx's theory of value and its significance. A critical study. St. Petersburg : Edition of M.I. Vodovozova, 1900. 372 p.
16. Moss M. Social functions of the sacred. Selected works. St. Petersburg : Eurasia, 2000. 448 p.
17. Popkov V.V. The study of money from the perspective of dual logic // Journal of Economic Theory. 2020. Vol. 17, No. 2. Pp. 292–301.

Информация об авторе

О.К. Кошмило – кандидат философских наук, доцент кафедры связи с общественностью Тольяттинской академии управления.

Information about the author

O.K. Koshmilo – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations of the Togliatti Academy of Management.

Статья поступила в редакцию 17.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted 17.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 05.03.2024.